
К.Е.
МОЯ БЕССОННИЦА
РОМАН

К. Е.

Моя бессонница

«Автор»
2026

Е. К.

Моя бессонница / К. Е. — «Автор», 2026

Когда тот, кто знал тебя лучше всех, оказывается тем, кто тебя предал.Мила переписывается с Нолём. Он понимает её с полуслова, помнит, что она не любит звонки, и знает, как успокоить перед контрольной. Она не знает его лица, но уверена: он — настоящий.Пока однажды не узнаёт, что Ноль — это аккаунт, созданный её одноклассниками ради шутки. А человек, который писал ей, всё это время сидел за соседней партой.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Человек без фотографии 6
Глава 1. После полуночи 8
Глава 2. Двадцать минут 9
Глава 3. Место у окна 11
Глава 4. Окно напротив 12
Глава 5. Завтрак, который я пропустила 14
Глава 6. Разбуди меня утром 15
Глава 7. Три часа сорок 17
Глава 8. Сочинение о будущем 18
Глава 9. Незаполненная анкета 19
Глава 10. Суббота Полины 21
Глава 11. Читка в кружке 23
Глава 12. Тридцать семь строк 24
Глава 13. Короткий список 26
Глава 14. Папин старый диктофон 27
Глава 15. Неправильные ответы 28
Глава 16. Место в списке 29
Глава 17. Чёрная ручка 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

К. Е.
Моя бессонница

К.Е.
МОЯ БЕССОННИЦА
Роман

Пролог. Человек без фотографии

Первое сообщение пришло, когда я сидела под столом.

За пять минут до этого я уронила флешку, полезла за ней и осталась на полу. Сверху лежал недописанный пробник. На стуле висела школьная юбка. Под батареей нашлась заколка, которую я считала потерянной с октября. Всё вокруг нашлось, кроме желания возвращаться к заданиям.

Телефон завибрировал в кармане.

«У тебя в рассказе девочка оставляет свет в прихожей. Она кого-то ждёт?»

Я проверила имя отправителя. Ноль. На фотографии — окно. Ни общих друзей, ни фамилии. Зато под сообщением была ссылка на мою запись в группе школьного литературного кружка.

Рассказ я выложила вчера. К утру у него было две отметки: от Полины и от руководительницы кружка. Я уже собиралась удалить его, но забыла пароль от страницы на ноутбуке. Иногда моя рассеянность приносила пользу.

«Она боится темноты», — ответила я.

«Тогда почему свет в прихожей, а сама она спит на кухне?»

Я перечитала вопрос. Потом открыла рассказ. Действительно, на кухне. Я помнила эту подробность: девочка не решалась войти в спальню, где ещё лежала чужая рубашка.

«Может, она сама не знает, кого ждёт».

«Вот теперь я понял».

Я вылезла из-под стола. На колготках остались две серые полосы, флешка нашлась в тапке. Я вставила её в ноутбук, но вместо пробника открыла страницу незнакомца. Три фотографии ночного города. На одной — трамвайные пути, уходящие в снег. Подписи отсутствовали.

«Ты из кружка?»

«Нет. Увидел запись».

«И решил написать автору замечание?»

«Вопрос. Замечания оставлю твоему редактору».

«У меня нет редактора».

«Тогда береги себя. Никто не остановит твои запятые».

Я улыбнулась и тут же перестала. Было неловко улыбаться одной в комнате человеку, у которого даже лица не было.

Мама постучала.

— Можно?

Я положила телефон экраном вниз.

— Да.

Она принесла чистое бельё и поставила стопку на кровать. Верхняя наволочка соскользнула. Я поймала её, мама поправила остальные.

— Как математика?

— Сейчас сажусь.

Мама посмотрела на открытый ноутбук. Я ждала замечания, но она только кивнула.

— Ужин через полчаса.

Когда дверь закрылась, я перевернула телефон.

«Извини, если отвлёк».

Я посмотрела на часы. До ужина оставалось двадцать восемь минут. Этого хватило бы на четыре задания первой части.

«Ты не отвлёк».

Мы проговорили до ужина. Потом я унесла телефон на кухню и положила на колено под столом. Мама рассказывала о женщине, которая весь день искала потерянные документы, а потом обнаружила их у себя в сумке. Я засмеялась не в том месте.

— Ты слушаешь?

— Да. В сумке.

Мама замолчала. Я подняла глаза, но она уже взяла свою тарелку.

Позже мне стало стыдно. Я помыла посуду, хотя была не моя очередь, и спросила, нашла ли та женщина всё остальное. Мама посмотрела на меня с удивлением.

— Она только документы и теряла.

Ноль написал в десять сорок: «Закончил читать второй рассказ».

Я стояла в ванной с зубной щёткой во рту. Пена капнула на экран. Пришлось вытереть телефон полотенцем.

«И сколько там запятых лишних?»

«Не считал. Там мальчик всё время говорит “ничего”. Ты специально?»

Во втором рассказе было меньше страницы. Я писала его после очередного звонка папы: он спросил, что нового, я ответила «ничего», и мы оба обрадовались, что можно закончить разговор без ссоры.

«Специально».

«Понятно».

«Что тебе понятно?»

Он ответил не сразу.

«Что иногда это самое длинное слово».

Я села на край ванны. В коридоре мама выключила свет. На часах было уже одиннадцать, но я не заметила, как прошли двадцать минут.

«А у тебя что нового?» — спросила я.

«Ничего».

Я рассмеялась. На этот раз не стала себя останавливать.

Когда мы попрощались, я вернулась к столу. Пробник лежал там, где я его оставила. В первом задании нужно было определить наименьшее значение. Я смотрела на условие и думала о человеке, который прочитал два моих рассказа до конца.

В полночь я закрыла тетрадь. На завтра оставалось ещё достаточно времени.

Глава 1. После полуночи

В половине первого ночи я должна была решать задачи по профильной математике. Вместо этого лежала на боку, прижимая телефон к подушке, и улыбалась экрану.

«Ты опять не спишь?»

Сообщение появилось от Ноля в 00:17. Он всегда писал так, будто видел меня сквозь темноту комнаты.

«Я вообще-то готовлюсь к экзаменам».

«В темноте?»

«У меня лампа перегорела».

«Мила, у тебя в сторис была лампа. И кот на ней. Кот выглядел бодрее тебя».

Я беззвучно засмеялась, чтобы не разбудить маму за стеной. Кота у меня не было. На фото была старая лампа соседки, а в сторис — чужой рыжий кот, которого я погладила во дворе. Нолю нравилось замечать такие мелочи. Он запоминал, что я не люблю звонки, что перед контрольными у меня леденеют пальцы, что я перечитываю одну и ту же страницу, когда нервничаю.

Мы переписывались почти два месяца. Никто из нас не называл это дружбой вслух, но я уже знала: если день вышел особенно тяжёлым, вечером я расскажу о нём Нолю. Он не перебивал, не советовал немедленно стать смелее, не говорил, что всё пустяки. Он просто оставался в диалоге, пока мне не становилось легче.

«Что случилось сегодня?» — спросил он.

Я посмотрела на раскрытый учебник. В задаче про поезд было три неизвестных, и ни одно из них не хотело находиться.

«Устала быть человеком, которому всё время говорят, что он может лучше».

Ответ пришёл не сразу.

«А ты сама чего хочешь?»

Я прочитала вопрос ещё раз. За окном гасли редкие окна соседнего дома. В моей комнате пахло пылью от батареи и яблочным чаем.

«Не знаю».

«Тогда давай хотя бы сегодня ничего от тебя не требовать».

Я закрыла учебник.

Наутро я проспала первый урок. Это была первая маленькая уступка бессоннице. Тогда я ещё не знала, сколько она попросит потом.

Глава 2. Двадцать минут

В первую субботу февраля я поставила таймер на двадцать минут. За это время собиралась закончить переписку, убрать телефон и открыть сборник. Таймер зазвенел, когда Ноль рассказывал, как в детстве запер себя на балконе.

«И сколько ты там просидел?»

«Пока соседка не заметила, что я показываю ей школьный дневник с надписью SOS».

«Почему дневник?»

«Тетрадь было жалко. Там были важные рисунки».

Я отключила сигнал.

Мама ушла в магазин. В квартире стало тихо; из кухни доносилось только гудение холодильника. Я сидела на ковре, прислонившись к кровати, и представляла маленького мальчика за стеклом. Мне хотелось спросить, какие у него тогда были волосы. Почему-то это показалось слишком личным.

Вместо этого я рассказала, как в третьем классе забыла стихотворение на школьном концерте. В зале сидела мама с камерой, а я смотрела на её красный огонёк и не могла вспомнить ни слова.

«Что сделала?»

«Придумала конец».

«Лучше настоящего?»

«В моём варианте берёза умерла».

Ноль прислал длинное голосовое. Я прижала телефон к уху, но там оказался только смех. Настоящий, неровный: сначала он пытался сдерживаться, потом перестал. Я тоже засмеялась, хотя история давно не казалась мне смешной.

Когда мама вернулась, я всё ещё сидела на полу. Она поставила пакеты у двери и попросила помочь. Я ответила «сейчас», допечатала предложение, подождала ответа. Из кухни донёсся звук упавшей банки.

— Мила!

Я выскочила в коридор. Мама стояла на коленях возле разбившейся банки огурцов. Рассол растекался под шкаф. Она не смотрела на меня.

— Принеси тряпку. И тапочки надень.

Мы убирали молча. Я держала пакет, она складывала осколки. На её пальце выступила кровь.

— Дай я.

— Уже всё.

Эти два слова прозвучали хуже замечания.

Вечером я написала Нолю, что сегодня больше не смогу разговаривать.

«Что-то случилось?»

«Нет. Надо заниматься».

«Тогда иди. Я никуда не денусь».

Я положила телефон на полку и открыла сборник. Через десять минут проверила экран. Через следующие пять — опять. Сообщений не было. Он сделал ровно то, о чём я попросила, и почему-то именно это мешало сосредоточиться.

Я решила четыре задачи. В пятой ошиблась в знаке и переписала всё заново. Внизу страницы осталось круглое пятно: я поставила туда чашку, пока читала его ответ. Обвела пятно ручкой, превратила в планету, рядом нарисовала маленькую ракету.

Потом сфотографировала.

«Долетела до пятого задания».

Ответ появился сразу: «Я же говорил, что никуда не денусь».
На следующий день я уже не ставила таймер.

Глава 3. Место у окна

В одиннадцатом классе время делится на «до пробника» и «после пробника». Учителя говорили об экзаменах так часто, что слово потеряло смысл и стало похожим на стук: сначала раздражает, потом начинаешь слышать даже в тишине.

Я сидела у окна, за третьей партой. В соседнем корпусе учились ребята из параллели, и иногда их выпускали на перемену во двор одновременно с нами. Я знала несколько лиц: высокий Дима Савин, его друг Антон, который смеялся громче всех, и Илья Ларин. Илья почти всегда молчал. Он носил тёмные толстовки и смотрел в телефон, когда другие спорили.

В тот понедельник я получила по математике тройку. Не трагедия, сказала учительница, если только не считать, что экзамен через несколько месяцев. Я сложила контрольную пополам и убрала в папку. Вечером Ноль спросил, как прошёл день. Я не стала говорить про оценку.

«Нормально», — написала я.

«Твоё нормально обычно означает что-то между пожаром и похоронами».

«Получила тройку».

Он прислал фотографию своей тетради: в углу была нарисована маленькая ракета с подписью «план спасения». Почерк на фото был размытым, будто он снимал на бегу.

«Это план для меня или для тебя?» — спросила я.

«Для того, кто первым сдастся».

Я улыбнулась.

На следующий день Антон что-то шепнул Диме в коридоре, и тот посмотрел на меня. Не просто скользнул взглядом — задержался, усмехнулся и отвернулся. Я решила, что на щеке осталось пятно от ручки. Проверила в зеркале в туалете. Ничего.

Когда я вернулась в класс, телефон коротко завибрировал.

«Иногда кажется, что все вокруг уже знают, кем станут, — написала я Нолю. — А я просто пытаюсь дожить до пятницы».

«Тебе не нужно знать всю жизнь. Можно выбрать следующий шаг».

Я тогда ещё не знала, что именно эта фраза однажды будет болеть сильнее остальных.

Глава 4. Окно напротив

В четверг классная раздала нам листы с планом школьного проекта. Нужно было подготовить стенд о выпускниках, которые поступили в разные города. Она сказала, что каждый выберет одну историю и найдёт человека, готового ответить на несколько вопросов. Полина сразу ткнула пальцем в строчку с медицинским институтом.

— Вот эта девушка училась здесь, а теперь работает в Петербурге. Давай её возьмём.

— Ты уже решила, куда поступаешь? — спросила я.

— Я решила, что не хочу решать за один вечер. Это разные вещи.

Она сказала это спокойно, но я услышала раздражение. Последние недели я спрашивала её о будущем так, будто правильный ответ мог избавить нас от перемен. Полина сложила лист пополам и убрала в папку.

Мне досталась история выпускника, который вернулся в наш город после университета. Я должна была написать ему. Само слово «написать» почему-то вызвало у меня улыбку. Я тут же открыла переписку с Нолём.

«Нам задали проект о будущем», — отправила я.

«И что ты выбрала?»

«Человека, который уехал и вернулся».

«А ты бы вернулась?»

Я не знала. В нашем городе было всё знакомое: остановка с продавленным сиденьем, школьный двор, булочная на углу. Но знакомое иногда становилось тесным. Мне нравилось думать, что где-то есть место, где никто не знает, что я однажды получила двойку за контрольную и плакала в туалете.

«Смотря откуда уеду», — ответила я.

Он прислал смайлик с маленьким флажком.

«Я бы, наверное, хотел пожить в городе, где зимой можно идти по улице и не встретить человека, который знает твою маму».

Я перечитала фразу. Она была смешной и точной. Я представила его в незнакомом городе — в толпе, где он никому ничего не должен. Мне нравилось, что он не рассказывал о себе прямо. Он оставлял щель, в которую я могла заглянуть, но не позволял войти.

На следующий день мы с Полиной после уроков пошли к выпускнику. Он встретил нас в школьном коридоре с коробкой старых фотографий. На одной он стоял в нашем актовом зале, худой, с длинной чёлкой и в куртке, которую сегодня носил бы только кто-то очень смелый.

— Я думал, что уеду и сразу стану другим, — сказал он. — А потом понял: город не держит тебя за рукав. Ты сам иногда держишься за него.

Полина записывала быстро. Я смотрела на его фотографии и думала о Ноле. О том, что он не хотел оставаться в маленьком круге знакомых лиц. О том, что он мог быть кем угодно. Может быть, он уже был кем-то другим в своей жизни — отличником, сыном, старшим братом, человеком, которого ждут дома.

После встречи Полина сказала, что мне надо написать вступление. Я обещала вечером. Но вечером у меня был Ноль.

«Как прошёл разговор?» — спросил он.

Я пересказала фразу про рукав и город. Он ответил не сразу.

«Удобная мысль. Можно оправдать любое решение».

«Ты думаешь, это неправда?»

«Нет. Просто иногда люди говорят красивую фразу, чтобы не признаться, что им страшно».

Я посмотрела на темноту за окном. В стекле отражалось моё лицо и голубоватое пятно экрана. Я хотела спросить, чего боится он. Вопрос уже сложился, но я не отправила. Если спросить прямо, он мог не ответить. А пока его молчание оставалось загадкой, которую я могла сделать красивой.

Глава 5. Завтрак, который я пропустила

Мама поставила передо мной тарелку с сырниками и села напротив. Она уже была одета на работу: тёмная рубашка, волосы собраны, на плече висела сумка. Я заметила, что она смотрит не на меня, а на телефон у моей чашки.

— Ты сегодня спала?

— Конечно.

— Мила, я не спрашиваю, чтобы поймать тебя на лжи.

Я отодвинула сырник вилкой. За окном дворник сгребал мокрые листья в одну большую кучу. Хотелось вернуться в комнату и написать Нолю, что мама опять волнуется. Но, если я это сделаю, он спросит, что случилось, а потом я снова опоздаю.

— Я просто долго не могла уснуть.

— Из-за экзаменов?

Я кивнула. Это была не вся правда, но хотя бы её часть.

Мама достала из сумки распечатку с датами консультаций. На полях стояли её пометки и маленькие стрелки.

— Я знаю, что тебе трудно. Но если ты хочешь поступать на бюджет, надо заниматься регулярно. Не героически по ночам, а понемногу каждый день.

— Я знаю.

— Ты злишься?

— Нет.

Она замолчала. Я впервые заметила, как устало у неё опущены плечи. С тех пор как папа уехал работать в другой город, мама всё время будто держала на руках несколько невидимых сумок. Я не хотела добавлять ещё одну.

— Я сама справлюсь, — сказала я.

— Я и не сомневаюсь. Я хочу, чтобы ты не тащила всё одна.

В школу я всё-таки пришла вовремя. В коридоре встретила Илью Ларина. Он стоял у стенда с расписанием, сжимая в руке сложенный лист. Когда я прошла, он отступил, освобождая дорогу.

Вечером Ноль спросил, как прошёл день. Я рассказала про мамины сырники, но не про разговор. Ноль прислал фотографию чашки: на пене кто-то попытался нарисовать сердце и потерпел неудачу.

Я улыбнулась, потом открыла конспекты. Прочла одну страницу. Вторую. На третьей телефон завибрировал, и я снова потянулась к нему.

Глава 6. Разбуди меня утром

Будильник прозвенел в 6:40, но я выключила его, не открывая глаз. Потом — в 6:50. Потом телефон перестал звенеть, и мне приснилось, будто я уже встала, умылась и даже успела на первый урок. Когда мама дёрнула дверь, я только тогда поняла, что на мне всё ещё пижама.

— Мила, ты опоздаешь.

Я вскочила. Под ногами путались штаны, в ванной не было горячей воды, волосы не желали собираться в хвост. Мама стояла в коридоре, уже одетая, с чашкой чая в руке.

— Ты опять сидела ночью?

— Я легла в одиннадцать.

Это было правдой, если считать, что в одиннадцать я выключила свет. Телефон я взяла через семь минут. Ноль прислал смешную картинку про учителей, которые говорят «это не будет на экзамене», а потом ставят задание именно на эту тему. Я ответила. Потом он спросил, почему я сегодня звучала грустно. Я записала голосовое, переслушала и записала новое. В итоге легла спать после часа.

— Я справлюсь, — сказала я, засовывая учебник в рюкзак.

— Я не спрашивала, справишься ли ты. Я спросила, почему ты не спишь.

Я застегнула куртку и посмотрела на маму. Она не повышала голос. От этого мне было труднее сделать вид, что ничего не происходит.

— Просто переписывалась.

— С Полиной?

— Нет.

Мама кивнула, словно поняла, что дальше я пока не готова. Она подала мне бутерброд, завернутый в салфетку. Я сунула его в карман рюкзака и вышла.

В школе первая пара прошла мимо меня. Учительница объясняла логарифмы, а я записывала только начало каждого примера. Рука ныла от попыток не зевать. Полина написала на полях моей тетради: «Ты сегодня похожа на человека, которого разбудили до того, как он успел родиться».

Я показала ей язык. Она подвинула ко мне бутылку воды.

— Ты поздно легла?

— Да.

— Из-за кого?

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я спрашиваю.

Прозвенел звонок. Я закрыла тетрадь, не ответив. На следующем уроке я поймала себя на том, что считаю минуты до вечера. Ноль обычно появлялся около полуночи. День становился длинным коридором, в конце которого меня ждало сообщение.

После школы я всё-таки достала бутерброд. Он размок от сока яблока и смялся в рюкзаке. Я съела его на лестнице, потому что не успела пообедать дома и не хотела покупать булочку. Потом открыла задачник. Решила три примера, пока ждала автобус. Один ответ оказался неправильным. Я стёрла его и попробовала ещё раз.

Вечером Ноль написал раньше обычного.

«Ты сегодня еле держалась на уроках?»

Я сразу спросила, откуда он знает. Он ответил, что я сама говорила, как боюсь засыпать на первой паре. Это было правда, и мне стало неловко за подозрение.

«Я легла поздно».

«Прости, что задержал».

Я читала эту фразу и ждала продолжения. Что он не хотел. Что в следующий раз мы закончим раньше. Что ему тоже важно, чтобы я спала.

Продолжения не было.

«Ты мог сказать, что надо идти», — написала я.

«Мог».

Он признал это без оправданий, но и без обещания, что повторения не будет. Я сама написала, что завтра лягу раньше. Он поставил сердечко.

На следующий день я снова выключила будильник. Но в тот вечер, когда переписка затянулась, я отправила: «Я ухожу. До завтра». Ноль ответил: «До завтра. Спи». Я положила телефон на полку, не рядом с подушкой. В комнате стало тихо и почти страшно.

Я лежала, считала трещины на потолке и ждала, когда он напишет ещё что-нибудь. Экран оставался тёмным. Через десять минут я уснула. Утром мне было легче подняться, и я решила, что так будет всегда.

Это продлилось четыре дня.

Глава 7. Три часа сорок

В марте мама повесила на холодильник расписание моих занятий. На нём были отмечены школа, репетитор по математике, русский, консультации и пробники. Внизу она приписала: «Отдых тоже важен» — и нарисовала кривое сердечко.

Я сфотографировала расписание и отправила Нолю.

«Похоже на карту эвакуации», — ответил он.

«Из школы?»

«Из собственной жизни».

Я засмеялась и потом долго смотрела на его слова. С ним можно было говорить даже о том, чего я стеснялась: что не хочу поступать туда, куда выбрали родители; что боюсь не оправдать ожиданий; что, если останусь одна после выпуска, никто не заметит.

Ноль никогда не спрашивал моё полное имя. Я не спрашивала его. Мы договорились не торопиться с фотографиями и звонками. Мне нравилось, что рядом с ним можно быть без лица, без школьной формы, без ответа на вопрос «кем ты хочешь стать?».

В школе всё было иначе. Учительница русского вернула сочинение с красными пометками. Репетитор сказал, что я перестала делать домашние задания. Мама заметила, что я всё чаще зеваю за ужином.

— Ты ночью опять сидела в телефоне?

— Немного.

— Мила, экзамены не подождут, пока тебе станет удобно.

Я хотела ответить, что Ноль не мешает мне готовиться. Но на самом деле мешал. Не он один: я сама переносила занятия, чтобы продлить разговор. Вечер становился единственным временем, когда от меня ничего не требовали, и я цеплялась за него так, будто до утра меня могли снова назначить чужой надеждой.

В ту ночь Ноль написал: «Если бы ты могла сейчас оказаться где угодно, где бы была?»

«В месте, где никто не спрашивает, что дальше».

«Тогда я бы посидел рядом и молчал».

Я закрыла глаза. В три сорок утра мне показалось, что это и есть близость: когда человек не требует от тебя даже ответа.

Глава 8. Сочинение о будущем

Учительница русского объявила, что на следующей неделе каждый должен принести эссе о профессии, которую выбрал. В классе кто-то застонал. Полина повернулась ко мне и беззвучно произнесла: «Пожарный».

— Ты не собираешься быть пожарным, — шепнула я.

— А вдруг. Буду спасать людей от сочинений.

Я не знала, что написать. Мама хотела видеть меня в университете, где училась сама. Я хотела заниматься текстами — редактировать, писать, может быть, однажды издать сборник рассказов. Каждый раз, когда я говорила это вслух, звучало так, будто я выбирала не профессию, а красивую мечту без страховки.

После уроков мы с Полиной остались в библиотеке. Она быстро набросала страницу о ветеринарии, хотя боялась больших собак. Я написала заголовок и остановилась.

— Ты опять не спала? — спросила она, не поднимая головы.

— Нормально спала.

— Ты сегодня два раза перепутала кабинет.

Я хотела отшутиться, но не смогла.

— У меня есть человек, с которым я разговариваю по вечерам.

Полина закрыла тетрадь.

— Тот самый Ноль?

— Да.

— Он помогает тебе?

Я посмотрела на пустую страницу.

— Когда мы переписываемся, мне кажется, что я могу говорить честно.

— А когда вы не переписываетесь?

Я не ответила.

Полина вздохнула, но не стала давить. Она придвинула ко мне карандаш.

— Напиши сначала, что тебе нравится. Не кем должна стать. Что ты любишь делать, когда никто не оценивает.

Я написала: «Я люблю замечать, как люди выбирают слова». Потом добавила ещё строку. К концу занятия у меня была почти целая страница.

Дома я отправила Нолю фотографию эссе. Он похвалил первую фразу, но не стал говорить, что я точно стану писательницей. Мне понравилось, что он не обещает будущего за меня.

И всё же я заметила: именно ему я показывала то, чего не решалась прочитать маме и Полине.

Глава 9. Незаполненная анкета

Классная раздала анкеты для профориентации. В первом вопросе требовалось написать три профессии, которые нам интересны. Во втором — назвать свои сильные качества. В третьем — указать вуз, в который собираемся подавать документы.

Я оставила все три строки пустыми.

Полина написала «ветеринар», «специалист по дикой природе» и «пока не решила». В последней графе поставила два города. Она не выглядела растерянной, хотя ответов у неё было меньше, чем у остальных.

— У меня не пусто, — сказала она, заметив мой лист. — У меня просто не одно решение.

Я посмотрела на её аккуратные буквы. В свои три строки я могла бы вписать филолога, редактора, журналиста. Но каждое слово казалось обещанием. Выберу редактора — окажется, что я не умею писать. Поступлю в другой город — буду скучать по дому. Останусь — буду жалеть, что не уехала.

На полях я нарисовала точку, потом окружила её маленькими стрелками.

Вечером Ноль спросил, кем я хочу стать. Я ответила, что не знаю. Он прислал голосовое. В его голосе слышался шорох, будто он шёл по улице.

— Ты всегда говоришь, что не знаешь, когда на самом деле боишься назвать вариант вслух.

Я нажала на запись снова. Он не сказал, что знает лучше. Только заметил то, что я сама пыталась не замечать.

«А ты кем хочешь быть?» — отправила я.

Он ответил: «Не знаю».

«Ты ведь только что сказал, что я боюсь».

«Я могу быть таким же».

Я улыбнулась. Впервые он признался не в том, что любит музыку или не любит фотографии, а в чём-то, что не было готовой шуткой.

Мы переписывались о будущем почти час. Он признался, что отец ждёт от него инженерный факультет, потому что у Ильи хорошие оценки по физике. Сам он не был уверен, хочет ли заниматься техникой. Я спросила, что ему нравится. Он ответил: «Разбираться, почему что-то не работает».

«Может, это и есть инженер?»

«Может. Но мне не нравится, когда за меня решают, что я уже выбрал».

Я хотела сказать, что понимаю. Вместо этого написала: «Тогда выбери сам, даже если ответ будет неидеальный».

Он прислал смайлик с перевёрнутым лицом.

«Ты сейчас говоришь как взрослая».

«Не привыкай».

Мы обменялись шутками о том, что через пять лет будем сидеть в разных городах и вспоминать школьные анкеты. Я представила его в будущем и впервые подумала о том, что он может быть реальным человеком не только в телефоне. У него будет работа, усталость, семейные планы. Может быть, когда-нибудь он перестанет мне писать.

От этой мысли стало неприятно. Я отодвинула её. Не всякая близость обязана становиться обещанием навсегда.

На следующий день я заполнила анкету. Вписала «редактор» и рядом добавила «филология». В строке о вузе написала два названия, которые собиралась изучить. Классная посмотрела на мой лист и сказала, что это уже хороший ответ.

Я не рассказала ей, что смогла заполнить строку после разговора с Нолём. Мне хотелось сохранить для себя эту часть нашей переписки. Она казалась безопасной, потому что никому не вредила.

Вечером я снова открыла анкету и подумала, что слова на бумаге теперь не такие страшные. Я не выбрала жизнь целиком. Я просто признала, что один из её возможных вариантов мне нравится.

Телефон завибрировал.

«Ну что, редактор?» — спросил Ноль.

Я прислала ему фотографию заполненной строки. Он ответил: «Так лучше».

Я не знала, что он уже видел моё имя в списке участников конкурса, когда Антон переслал ему скриншот анкеты. Думала, что он знает это только потому, что я рассказала. В ту ночь я не проверила, откуда у него была информация.

Глава 10. Суббота Полины

В субботу у Полины был день рождения. Восемнадцать она встречала в квартире с разобранной прихожей: её отец менял шкаф и обещал закончить к приходу гостей, но к четырём часам на полу всё ещё лежали дверцы.

— Перешагивайте осторожно, — сказала Полина. — Это полоса препятствий перед взрослой жизнью.

Я пришла с книгой и маленьким тортом. Обложку мы выбирали вместе месяц назад: Полина показывала её мне в магазине и говорила, что когда-нибудь обязательно купит. Теперь она провела пальцем по корешку, потом обняла меня так крепко, что коробка с тортом накренилась.

В комнате уже сидели Катя и две Полинины подруги с курсов. Мы ели пиццу с бумажных тарелок, играли в слова, обсуждали выпускной. Я чувствовала себя почти прежней: отвечала вовремя, смеялась, не думала о том, какое сейчас время.

Потом пришло сообщение.

«У тебя сегодня красивый свет на фотографии».

Я посмотрела на снимок, который только что выложила Полина. На нём я сидела у окна, прижав к груди декоративную подушку. От солнечной полосы щурился один глаз. Я не знала, что меня снимают.

«Ты следишь за моими подругами?»

«Ты отмечена».

Я открыла фотографию ещё раз. Свет действительно был красивым.

— Мила, твоя очередь, — сказала Катя.

— Что?

— Объяснять слово.

Я потянула карточку и прочитала её вслух. Все засмеялись: слово нужно было объяснить, не называя. Я тоже засмеялась, но уже смотрела в телефон.

Ноль спросил, весело ли мне. Я ответила «да». Он написал: «Тогда не отвлекайся». Я отправила ему фотографию торта. Он спросил, что за свечи. Я объяснила, что Полина купила не восемнадцать маленьких, а две огромные, и теперь они похожи на заводские трубы.

Когда я подняла голову, свет в комнате был выключен.

Полина стояла перед тортом. Все пели. Я присоединилась на последней строчке.

Свечи погасли. Кто-то включил лампу. Полина посмотрела на меня через стол, быстро улыбнулась и начала резать торт.

Позже я нашла её на кухне. Она мыла нож.

— Ты загадала желание?

— Конечно.

— Какое?

— Чтобы гости ели торт, пока он свежий.

— Полин.

Она выключила воду.

— Я три раза тебя звала.

— Прости. Я не услышала.

— Я заметила.

Я сунула телефон в задний карман. Он снова завибрировал. Полина посмотрела туда, потом на меня.

— Ответь. Вдруг там что-то важное.

В её голосе не было злости. От этого я почувствовала себя ещё хуже.

— Там ничего срочного.

— Тогда почему ты всё время уходишь?

Я стояла рядом с ней, в маленькой кухне, и не сразу поняла, что она имеет в виду. Потом поняла.

Мы вернулись к гостям. Остаток вечера я держала телефон в сумке. Дома увидела три сообщения от Ноля, последнее — «Спокойной ночи». Написала ответ и не стала отправлять. Вместо этого нашла Полинину фотографию с тортом и сохранила её себе. На заднем плане, за её плечом, была видна моя склонённая голова.

Глава 11. Читка в кружке

В кабинете литературного кружка пахло пылью и апельсинами. Руководительница принесла коробку фруктов и предложила каждому прочитать абзац из черновика. Я выбрала начало «Свет в окне».

— Только не говори, что она боится звонить отцу, — шепнула Полина.

— Я не говорю.

— Пока.

Я встала у доски и прочитала. Героиня смотрела на телефон, слышала за стеной спор соседей и стирала набранное сообщение. Когда я закончила, руководительница спросила, чего я жду от читателя.

— Чтобы он понял, почему она не звонит.

— А если пока не объяснять почему?

Я посмотрела на страницу. Там было три абзаца о страхе героини: показаться маленькой, услышать раздражение, не получить ответ. Я вычеркнула один. Потом ещё один. На листе осталось меньше строк, но тишина между ними стала заметнее.

— Вот здесь я ей верю, — сказала руководительница, показав на короткий диалог. — А здесь ты объясняешь то, что уже показала.

Я записала замечание на полях. Не стала спорить. Мне нравилось, что никто не говорил, будто рассказ хороший только потому, что он мой. Мы читали его как текст, который можно менять.

После кружка Полина спросила, буду ли я отправлять его на конкурс.

— Не знаю. Он сырой.

— Тогда поправь.

— А если не успею?

— Тогда не успеешь. Но сначала попробуй.

Дома я открыла файл и убрала ещё несколько фраз. Остановилась на финале: героиня набирала номер, но пока не нажимала вызов. Я хотела дописать, что ей страшно, но оставила только дрожащий палец над экраном.

На следующий день я принесла новую версию в школу. Полина прочитала её на перемене и сказала, что конец стал тише.

— Это хорошо?

— Это точнее.

Я сложила листы в папку. До срока подачи оставалось два дня. Я всё ещё могла передумать.

Глава 12. Тридцать семь строк

На литературный конкурс принимали тексты до воскресенья. Я узнала об этом в среду, когда руководительница кружка остановила меня возле гардероба. В руках у неё была папка, из которой торчали распечатанные листы.

— Ты принесёшь свой рассказ?

— Я ещё не решила.

— Тогда реши к пятнице. Я успею прочитать.

Она не стала говорить, что у меня талант. Это почему-то помогло. Дома я открыла папку «Тексты», нашла файл с названием «Новое окончательное последнее» и переименовала его в «Свет в окне». До окончательного там было далеко. Моя героиня просыпалась в первой строке, три страницы думала о жизни и снова ложилась спать. Я подозревала, что читатель последует её примеру раньше финала.

Ноль ответил на жалобу фотографией пустой чашки.

«У меня так проходит большинство выходных».

«Это не значит, что об этом интересно читать».

«А что она должна сделать?»

Я посмотрела на экран ноутбука. В углу мигал курсор.

«Позвонить отцу».

«Почему не звонит?»

Я печатала долго. Сначала написала про гордость, потом про страх отказа. Стёрла оба ответа.

«Потому что он может обрадоваться. И тогда окажется, что она столько времени злилась зря».

Ответа не было. Я уже решила, что сказала слишком много, когда пришло: «Вот это я бы прочитал».

В пятницу я принесла тридцать семь строк. Руководительница кружка прочитала их возле окна, пока я делала вид, что рассматриваю книги на полке.

— Хорошо, что убрала начало, — сказала она.

— Там ничего не происходило.

— Там происходило. Только ты сначала объясняла мне, что я должна почувствовать, и лишь потом давала посмотреть.

Я протянула руку за листом, но она ещё держала его.

— Отправляй.

— Там всего страница.

— В условиях есть минимальный объём?

— Нет.

— Тогда отправляй страницу.

Вечером я заполнила форму. Имя, фамилия, возраст, название школы. На последнем поле остановилась: краткая биография автора. Мне стало смешно. Я прожила семнадцать лет и могла сообщить о себе только то, что умею забывать сменку и слишком долго отвечаю на простые вопросы.

Написала: «Учусь в одиннадцатом классе. Пишу рассказы». Убрала второе предложение. Вернула.

Ноль спросил, почему я так долго молчу.

«Отправляю текст. Боюсь нажать кнопку».

«Хочешь, посчитаю до трёх?»

«Нет. Я сама».

Я нажала. На экране появилось зелёное уведомление. Ничего не изменилось: за стеной работал телевизор, мама звякнула ложкой о чашку, на столе лежала недописанная математика. Но мне хотелось встать и пройтись по комнате.

Я отправила Нолю скриншот подтверждения.

«Горжусь», — написал он.

Я посмотрела на слово, потом закрыла переписку и позвала маму. Она пришла из кухни, вытирая руки полотенцем. Я показала ей форму. Мама прочитала каждое поле, включая короткую биографию.

— Дашь рассказ?

Я замялась. Потом открыла файл.

Она села на край кровати. Пока читала, я складывала ручки в пенал, вынимала обратно, перекладывала тетради. Когда мама подняла глаза, я приготовилась объяснять, что отец в рассказе не совсем наш папа.

Но она спросила:

— Девочка в конце всё-таки позвонила?

— Нет. Пока набрала номер.

Мама кивнула. Я не поняла, понравился ли ей текст. Зато она попросила прислать его на телефон. Я отправила и впервые не добавила, что это просто черновик.

Глава 13. Короткий список

На почту пришёл ответ от конкурса. Я открыла его в школьной библиотеке, потому что дома рядом были мама и отец, а мне хотелось прочитать письмо самой.

«Благодарим за участие. Ваш рассказ вошёл в короткий список». Ниже просили прислать окончательную версию и подтверждение авторства.

Я перечитала сообщение. Моя фамилия стояла внизу. Никто не написал, что текст идеальный или что я точно выиграю. Но его заметили. Этого оказалось достаточно, чтобы руки стали холодными.

Я позвонила Полине. Она подняла трубку после второго гудка.

— Я в коротком списке.

— Что? — Полина закричала, и рядом с ней кто-то попросил тише.

— Я в коротком списке конкурса.

— Я же говорила, что ты должна отправить.

— Ты говорила, что текст слишком объясняет.

— И то, и другое.

Я рассмеялась. Потом переслала письмо маме и отцу. Мама прислала голосовое с поздравлением, отец написал: «Твой голос нашли».

Я подумала, что эта фраза могла бы меня ранить, если бы прозвучала иначе. Но теперь мой голос был там, где я сама решила его оставить: в рассказе, подписанном моим именем.

Илье я рассказала вечером. Он написал, что гордится мной, и спросил, чем может помочь. Я попросила прочитать финальную версию только если ему действительно интересно, а не потому, что он хочет показать, что поддерживает.

«Мне интересно», — ответил он.

Я отправила файл. На этот раз не стала ждать, когда появятся три точки. Сходила в душ, приготовила чай и дочитала главу по истории литературы. Через час он прислал отзыв. Ему понравилась последняя сцена, где героиня оставляет телефон на столе и выходит на улицу.

«Она не ответила отцу?» — спросил он.

«Ответила. Но не сразу».

«Понимаю».

Я хотела написать, что он не может знать, что она чувствует. Потом решила, что он говорит о персонаже, а не о себе. Я отправила: «Я тоже не всегда отвечаю сразу».

«Знаю. И это нормально».

Я посмотрела на экран. Наш разговор не был таким же, как прежде. Теперь он не требовал от меня бессонных часов и не превращал каждую фразу в пароль к близости. Я могла закончить его, когда хотела.

Конкурс объявил результаты через месяц. Мой рассказ получил специальную отметку жюри за финал. Я не выиграла место, но редактор прислал комментарии на полстраницы. Я распечатала их и прикрепила к стене рядом со столом.

Под ними написала: «Продолжай».

Это был не приказ и не обещание, что всё получится. Просто слово, которое я хотела видеть, когда снова решу, что пока не готова.

Глава 14. Папин старый диктофон

Отец приехал на выходные и привёз из своей квартиры старый диктофон. Он лежал в коробке вместе с зарядными проводами и документами, которые отец обещал когда-нибудь разобрать.

— Ты хотела записывать тексты, — сказал он. — Вдруг пригодится.

Я взяла устройство. Оно было тяжёлым, с потёртыми кнопками. На боку наклейка с его именем.

— Ты им пользовался?

— Когда работал на радио. Давно.

Мама принесла чай и села рядом. Отец спросил, можно ли прочитать мой рассказ. Я сказала, что можно, но не сейчас. Он не стал настаивать. Вместо этого рассказал, как однажды записал выпуск новостей, а в конце услышал, что у него весь час скрипит стул.

— Ты тогда переделывал запись? — спросила я.

— Нет. Это была прямая трансляция.

— Значит, все слышали?

— Все. И никто не умер.

Я не улыбнулась. Он заметил.

— Прости. Неудачная шутка.

Мне хотелось рассказать ему, что мой голос тоже кто-то слышал без разрешения. Я не хотела, чтобы он сравнил это со скрипучим стулом, хотя знала, что он не хотел бы обидеть. Я решила сказать прямо.

— Я не хочу, чтобы ты думал, будто из-за этого мне просто надо перестать бояться. Я не могу контролировать, кто уже слышал запись.

Отец поставил кружку на стол.

— Ты права. Я не знаю, как это исправить. Могу только помочь, если ты попросишь.

— Можешь послушать рассказ. Но сначала спроси, хочу ли я, чтобы ты что-то говорил.

— Хорошо.

В тот вечер я включила диктофон и прочитала первый абзац. С первой попытки сбилась. Со второй говорила слишком быстро. На третьей получилось ровнее. Я не отправляла запись никому. Просто слушала, где проглатываю окончания и где слова звучат не моими.

Отец сидел в дверях, не заходя в комнату.

— Хочешь, я послушаю? — спросил он.

— Да.

Он выслушал запись до конца и сказал, что на середине я стала говорить тише.

— Там героиня боится, — объяснила я.

— Это заметно.

Я посмотрела на него. Это не было исправлением, не было утешением. Он заметил то, что я хотела, чтобы заметили.

На следующий день отец уехал. Перед дорогой он обнял меня и пообещал позвонить после экзамена. Я попросила не обещать точно, потому что его смены могли поменяться.

— Тогда постараюсь позвонить, — сказал он.

Я кивнула. Мне стало легче от того, что обещание не притворялось гарантией.

Диктофон остался у меня. Иногда я записывала на него черновики, а потом удаляла. Голос больше не казался совершенно чужим. Он был моим — даже если кто-то услышал его раньше, чем я была готова.

Глава 15. Неправильные ответы

В апреле на пробнике я не успела решить последние четыре задания. Вышла из кабинета и пошла на лестницу, где обычно было пусто. Там пахло мокрой одеждой и лимонным средством для полов. Я села на ступеньку и уставилась на свои ладони.

Телефон завибрировал. Ноль прислал: «Ты где?»

Я удивилась: я не говорила ему, что сегодня пробник. Потом вспомнила, что рассказывала накануне. Он всё помнил.

«На лестнице».

«Плохие новости?»

«Не знаю. Наверное».

«Неправильные ответы не говорят, что ты глупая. Они показывают, что надо повторить».

Я сжала телефон. Именно это сказали бы взрослые, только у них получилось бы хуже.

«А если я не успею?»

«Тогда сдашь так, как сможешь. Это не конец тебя».

Я прочитала сообщение несколько раз. Потом поднялась, умылась и вернулась в класс за рюкзаком. Вечером я открыла учебник. Решила две задачи, потом ещё одну. Это был маленький успех, и я хотела рассказать о нём Нолю.

Он ответил через час: «Я знал, что ты вернёшься».

Мне понравилась эта фраза. Настолько, что я не спросила, почему он так уверен.

В школе Илья Ларин впервые заговорил со мной у автомата с водой. Я уронила крышку от бутылки, он поднял её и протянул.

— Ты Мила, да?

— Да.

— Из одиннадцатого «А»?

— Ты же только что назвал моё имя.

Он улыбнулся краем рта. У него были внимательные глаза и несколько веснушек на переносице, почти незаметных. Я подумала, что раньше не видела их из-за его чёлки.

— Просто проверил, — сказал он.

Я забрала крышку и ушла. Через пять минут Ноль написал: «Сегодня видел тебя у автомата. Ты всегда так быстро убегаешь?»

Я остановилась посреди коридора.

Потом он добавил: «Шучу. Я просто представил».

Я выдохнула. И всё-таки долго не могла перестать думать о совпадении.

Глава 16. Место в списке

Список пробных экзаменов висел у кабинета математики. Бумага от влажности выгнулась, и нижний угол всё время отлипал от стены. Мы столпились вокруг неё на перемене, хотя каждый знал, что результаты выдадут в электронном дневнике.

Я нашла свою фамилию и сначала не поняла цифру. Потом прочитала ещё раз.

— Не так ужасно, — сказала Полина, заглянув мне через плечо.

— Я рассчитывала на большее.

— Ты ничего не рассчитывала. Ты просто надеялась, что как-нибудь получится.

Она не сказала это зло. От этого стало хуже.

Учительница выдала работы после урока. Мой лист был исписан красными отметками. Четвёртое задание я решила правильно, но потеряла балл из-за оформления. В седьмом перепутала знак. Последние два даже не открыла.

Я взяла лист за край, стараясь не смять. В коридоре ребята обсуждали свои баллы. Кто-то смеялся, кто-то звонил родителям. Я унесла работу в туалет и закрылась в кабинке. Телефон завибрировал в кармане.

«Как результаты?» — написал Ноль.

Я не успела рассказать ему, что пробник уже вернули. Он знал: я говорила о дате накануне.

«Плохо».

«Насколько?»

Я отправила фотографию только верхней части листа. Там были видны баллы, но не фамилия. Через минуту он написал:

«Ты расстроена из-за цифры или потому, что понимаешь, что могла подготовиться лучше?»

Я стиснула зубы.

«Спасибо, что спросил так бережно».

«Я не хотел».

Это было первое сообщение от него, которое меня разозлило. Я набрала: «Тогда не надо было». Стерла. Написала: «Я устала. Давай позже» и вышла из переписки.

На последнем уроке я не услышала половины объяснения. В голове снова и снова всплывал лист с красной галочкой возле правильного ответа и минусом в баллах за оформление. Я хотела, чтобы Ноль утешил меня, но не фразой «ты справишься». Хотела, чтобы он сказал, что учительница придирается, что система несправедливая, что один пробник ничего не значит. Я сама понимала, что это неправда, но всё равно ждала.

Дома мама спросила, как прошло. Я положила работу на стол.

— Вот так.

Она прочитала задания, не стала сразу говорить о вузе и баллах.

— Хочешь, разберём вместе?

— Я сама.

— Хорошо.

Мама ушла на кухню, но дверь оставила открытой. Я достала учебник, раскрыла страницу с нужной темой. Потом посмотрела на телефон. Ноль не писал. Мне стало стыдно, что я обиделась на него за вопрос, который сама хотела услышать.

В половине одиннадцатого он всё-таки появился в сети.

«Я был резким. Прости. Тебе нужна помощь с задачами или чтобы я просто послушал?»

Я долго не отвечала. Мне хотелось написать, что он должен был сразу знать. Что если он действительно понимает меня, ему не нужно задавать такие вопросы. Но это была нечестная проверка, и я это знала.

«Просто послушай», — написала я.

Он не стал советовать. Я рассказала про балл за оформление, про пропущенные задания, про Полинины слова. Потом про то, как неприятно видеть на листе доказательство, что я сама оставила всё на потом.

«Тогда завтра разберёшь один номер», — написал он.

«Ты опять советуешь».

«Это не совет. Это просьба к тебе самой».

Я положила телефон экраном вниз. Села за стол. Решила один номер. Потом второй. Они не превратили пробник в хороший результат, но красные отметки перестали казаться приговором. Перед сном я написала Нолю: «Спасибо, что не сказал, будто всё нормально».

Он ответил: «Нормально не было. Но это можно исправить».

Я не знала, что именно он имел в виду. Баллы? Моё расписание? Или всё, что мы друг другу позволяли не договаривать.

Глава 17. Чёрная ручка

На консультации по математике у меня закончилась ручка. Я потрясла её, исписала угол страницы мелкими кругами, продавила бумагу до следующего листа. Чернила не появились.

— Есть запасная? — шепнула я Полине.

Она показала единственную ручку, которой писала сама.

Сзади протянулась рука.

— Держи.

Илья Ларин положил на мою тетрадь простую чёрную ручку. На колпачке остался след от зубов.

— Спасибо.

Он кивнул и снова наклонился над заданием. На консультации сидели оба одиннадцатых класса; я почти никогда не замечала, кто занимает место за мной. Теперь несколько раз ловила себя на том, что прислушиваюсь к шелесту его тетради.

Учительница разбирала задачу у доски. Я переписала решение, но не поняла переход между второй и третьей строкой. Полина тоже нахмурилась.

Когда все начали собираться, Илья задержался.

— Тут вынесли общий множитель, — сказал он, показывая пальцем на мою страницу. — Видишь?

Я увидела. Ошибка оказалась настолько простой, что захотелось закрыть тетрадь.

— Ага. Я просто не заметила.

— Я первый раз тоже.

Он показал своё решение. В том же месте была зачёркнутая строка.

Мне стало легче.

В коридоре Антон окликнул его. Илья повернулся, но остался возле моей парты.

— Ручку можешь вернуть завтра.

— Подожди, я сейчас перепишу номер.

— Не торопись.

Антон заглянул в кабинет.

— Ларин, ты идёшь или теперь репетитором работаешь?

Илья убрал тетрадь в рюкзак.

— Иду.

Он ушёл, а ручка осталась у меня. Я положила её в отдельное отделение пенала, чтобы не забыть вернуть. Дома написала Нолю, что на консультации наконец поняла одну тему.

«Кто объяснил?»

«Парень из параллели».

«Нормально объяснил?»

«Да. Даже не сделал лицо, будто я тупая».

Ноль долго не отвечал. Потом написал: «Может, он и не думает, что ты тупая».

На следующий день я увидела Илью на лестнице. Протянула ручку. Он посмотрел на неё так, будто забыл, что давал.

— Спасибо, — сказала я. — За задачу тоже.

— Пожалуйста.

Мы стояли друг перед другом, и я вдруг захотела спросить что-нибудь ещё. Как он готовится. Куда поступает. Почему у него такой уставший вид.

Но он уже смотрел мимо меня, туда, где ждали Антон и Дима.

— Пока, — сказал Илья.

Вечером Ноль спросил, как прошла консультация, хотя в этот день её не было. Я поправила его. Он ответил: «Перепутал».

Я тогда тоже часто путала дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.